

свободная газета свободных поэтов

ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

АНДРЕАПОЛЬ • ПЕНО • ТОРОПЕЦ • НЕЛИДОВО • БЕЛЫЙ

* * *

От жары ворона в жажде клюв
раскрыла,
В тень листвы иные кутаются
птахи.
Мужичок завял в распахнутой
рубаше,
Только ласточек ватага
быстрокрыла.

Распалил кузнец небесный жарко
тигли,
Переплавить возжелав нестойких
тварей,
Чтоб мечтать и не помыслили о
паре,
Коль душевного напряжения не
достигли.

Знать, июнь с Аидом меряется в
силе:
От черёмушных ознобов – прямо в
пекло.
А краса вокруг, заметьте, не
поблекла.
Что, опять не так? Ведь вы тепла
просили.

**Маргарита Петрова,
Андреаполь**

* * *

Я хочу туда, где за рекою
Алым светом разгорелся лес.
Летний вечер доброю рукою
Сотворяет чудо из чудес.
Я иду туда, где тмин и клевер,
Где горошек свился, как веночек.
Ветер нежно веет, словно веер,
А в полях тоскует василёк.
Вторит сердце звукам птичьих
песен,
А душа несётся в лунный свет.
Лишь тому уныл сей мир и тесен,
Кто мечты дыханьем не согрет.
Я хочу туда, где тихий омут,
Замечтавшись, смотрит в небеса.
В этой жизни мудр и вечно молод,
Кто глядит безбрежью в глаза!

**Виктор Королев,
Белый**

Наше всё

Человеку читающему сразу ста-
нет понятно, о ком пойдет речь.
Конечно же, о великом Пушкине. 6
июня – день рождения поэта (1799
– 1837). Радует, что мы это помним.
Помним среди сегодняшних трево-
жных событий, помним без офици-
альных напоминаний сверху (дата
ведь не круглая). Помним потому,
что отзываются и сегодня на его
строки сердца наши.

Появляются на сайтах видео, сде-
ланные бабушками, где внуки чита-
ют Пушкинские стихи. Просто так,
без всяких конкурсов и поощрений
со стороны.

Вспоминают об этом хранители
книжных храмов – наши библиоте-
текари. У них всегда что-то к этому
дню заготовлено.

«Судьба поэта тесно связана с
Тверской землёй. Здесь жили жен-
щины, которых он любил, друзья,
которых навещал. Здесь создано
немало лирических шедевров. Мы
вместе вспомним о пребывании
русского гения в Тверском крае, по-
смотрев виртуальную выставку «По
гордым волжским берегам. А.С. Пуш-
кин и Тверской край», – сообщает в
сетях Нелидовская библиотека.

Андреапольская детская библио-
отека предлагает своим маленьким
читателям отправиться в сказочное

путешествие по «Тридцатьлетнему цар-
ству, Пушкинскому государству» и
проверить, насколько хорошо они
знают сказки великого русского пи-
сателя.

Вспоминают и поэты, посвящая
событию свои стихи, конечно пони-
мая, что нам так не суметь. Да так
и не надо. Главное, чтобы хоть одна
наша строка принесла добро и уняла
душевную смуту.

Вот и мы вспомнили. Тем более,
что схожи карантинные ситуации:
наша нынешняя и Пушкинская бол-
динская в 1830 году. Из-под пера
Пушкина в ту пору летели строки
«Евгения Онегина», «Повестей
Белкина», «Маленьких трагедий»
и прочих, ставших знаменитыми
произведений. Болдинскую осень
литературоведы признают самым
продуктивным периодом в жизни
поэта. Вот так – кому эпидемия, а
кому вошедшая в историю литера-
туры Великая осень...

*Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть – на мой закат
печальный
Блеснет любовь улыбкою
прощальной.*

А.С.Пушкин,

Болдино, 8 сентября 1830 года
М. Петрова

Игорь Столяров,
г. Нелидово

Игорь Столяров родился в 1977 году в г.Нелидово Тверской области. Член Нелидовского литобъединения «Межа», творческого объединения «Западный форпост», Тверского Содружества писателей и Верхневолжского Содружества литераторов. Многократный участник и лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов и фестивалей. Стихи начал писать в начале 90-х годов прошлого века, творчество носит разносторонний характер. Предпочитает краткие стихотворные формы.

ТЁМНО-ПОДПАЛОЕ

Подступило под сердце – уснуть невмочь? –
Занавеску грусти смахни скорей:
Там, за стёклами, дремлет большой,
как ночь,
Тёмный сеттер в подпалинах фонарей.
Дышит мерно и тихо, как летний бриз,
Иногда добродушно ворчит во сне...

Осызая взглядом пустой карниз,
Ты оставишь горечь в ушедшем дне
И привычно вернёшься в земное
«жить».

Замаячит лисьим хвостом рассвет,
Пёс уйдёт челноком ситец поля шить:
В золочёные травы свернёт – и нет...

Но не ставь эту слабость ему в вину:
От весны до холодных густых седин

Он как друг обречён к твоему окну
Возвращаться, когда ты совсем
один.

ШАРИК

С неба, с кровель обветшалых
Капли скучные сотру.
Я – когда-то яркий шарик,
Полинявший на ветру.

В настроении строптивом
Бьюсь, потерян и летуч:
Порываюсь за порывом –
Головой достать до туч.

Знаю: гину бесприютно,
Сбитый дробью дождевой,
Но пока свистит попутный,
Я лечу за ним, живой.

Зыбкий штиль не ставит точку,
Словно зная, что в тиши
Истерзает оболочку
Пустошарию души.

БЕЛОКРЫЛОЕ

Сны сентябрьские негорьки:
Солнце гасло огнём кузнечным,
Я кормил лебедей с руки,
И закат мне казался вечным.
И мечталось: я сам летел,
Бросив мокрую корку хлеба,
Белоснежен и легкотел,
По лучистой дороге в небо...
А теперь не поднять лица
К небесам, что от ливня слепы,
Грубо выкован из свинца
Низких туч цеппелин нелепый.
В хляби осени солнце – блажь,
И не верится, было ль это:
Белокрылый озёрный пляж,
Лебединая песня лета...

БЕЗОРУЖНОЕ

Волки целы да сыты, да кровью
умыты Пилаты.
Надо мной безмятежность небесной
воды голубой.
На усталой душе не залатаны битые
латы,
И любая стрела – погруженье
в глубокую боль.
А вверху – благодать: ни страданий,
ни горя, ни рока,
И теряется клин за скалистой
грядой облаков.
Я устал наблюдать, как друзей
призывают до срока
В этот самый бессрочный среди
безоружных полков.

УЛИЧНОЕ

Вы улицы – редкий улей
В безлюдности Нью-Руси.
Излётной нестрашной пулей
Несите моё такси.

Заборных рядов не скальте –
Штампуйте дворов клише,
Где трещинки на асфальте
Бегут по моей душе
И призраком бродит сырость
По тонkostям их тенет.
...Я был обречён на выброс,
Но вырос.
А город – нет.

СРЕДНЕ(ВЕСЕННЕ) ВОЗРАСТНОЕ

Жить хочется, но незачем.
Приплыли!
Судьба молчит: ушла на карантин.
На улице столбы весенней пыли,
А на душе – рассадник паутин.
В доме пустынно, призрачно и
гулко:
Доход негуст, но крыша не течёт.
А в сердце прежних ценностей
шкатулка
Молчит, закрыта...
на переучёт.
Но где-то вне – цветущая погода
И в небо звоны птиц вознесены.

...Дрожу, врисован в это время года,
Как жёлтый лист –
в траву чужой весны.

* * *

Всё заброшено, что приелось.
Век стирается в миражи:
Грёзы детства размыла зрелость,
Исфальшивила лиру жизнь.
Устремясь за блесной-обманкой,
Ослеплённо впотьмах крадясь,
Прорастаю душой-семянкой
Сквозь пески да густую грязь,
Из суглинка людской породы
Выбираюсь на тёплый свет.
Поднимите мне веки-годы:
Я увидеть хочу расцвет.

БИБЛИОФИЛ

Я в тебя влюбился б, кабы
Знала ты про Кобо Абэ,
А прочла б Умберто Эко –
Оценил как человека!

Я бы звал тебя строками
Из Харуки Мураками;
В нашем райском шалаше
Мы читали б Лао Шэ;
Днём бы в чудном старом парке-с
Шли под ручку, в сумке – Маркес;
А потом – кафе, паэлья,
Отзвук Пауло Коэльо,
Спальня, полочки в серванте-с
И в рядок – Дюма, Сервантес...

...Почему же знаешь ты
Только «Сагу» да «Менты»?!

Дарья Гребенщикова,
Торопецкий р-н, д.Шешурино

Шурочка, Димка и Вадим Сергеевич

Господи! какая же я страшная! говорила Шурочка себе и всем окружающим, и все её поддерживали. Ужас просто, уродина из уродин, и не будет у меня в жизни любви и счастья, вторила она с 14 лет — и все соглашались. Не лицом жить, Шурёнок, успокаивала ее мама, выходя в пятый раз замуж, — что лицо? Сегодня одно, завтра — другое. Ты на кулинарию налегай, и каблуки высокие не забудь. Не на таких женятся, не бойсь! Подруги, которые и в подметки Шурочке не годились, согласно кивали — ох, ну, да, ну да, Сашок, ну ты лапушка такая по характеру, такая прям безотказная, чудо! Парни, которым Шурочка нравилась, стеснялись пригласить её на свидание — друзья засмеют. Так и росла она, и страдала, и пошла работать на завод «Электросила», в заводскую многотиражку. Там как-то позабылись страдания по поводу внешности, но Шурочка с обреченностью тяжело больной отказывала — всем. А как-то приехал из Москвы инженер Вадим Сергеевич, в командировку. И попросил ему показать ночной Ленинград. Без намеков! Просто утром поезд назад, в Москву, уходил. И до того ему город понравился, что результатом этих экскурсий стала Шурочкина беременность. Тут уж Вадим Сергеевич к творчеству Рос-

си-Растрелли охладел и стал больше на Москву налегать, да и командировки иссякли.

Родила Шурочка мальчика, назвала его Митей, ибо другого имени для сына и придумать не могла. «Митя-Митрий, Митя хитрый», повторяла она, качая крошечное тельце, завернутое в голубое атласное одеяльце и душа её пела. Обретя смысл в жизни, Сашенька расцвела до чрезвычайности, и даже мама ее, не желавшая стать бабушкой, отметила это с неприязнью.

Митенька рос, выросал из ползунков, учился читать, и вот уж и был задан вопрос «мама, а кто мой папа», и Шурочка легко ответила, что папа живет и работает в Америке. Америка и самой Шурочке виделась краем света, а уж Мите — и во все. Стоя на широком подоконнике дома на 5-й линии Васильевского острова, он все глядел на улицу, считал машинки и прохожих, а в детском саду серьезно интересовался, как поехать в Америку. Сашенька расплелась и стала красива той удивительной русской милотой, которая появляется в женщинах после родов и в удачном замужестве. Митя обожал маму, и они завели кота Дон Кихота и кошку Дусю. На выходные Шурочка и Митя ездили в Парголово, на старую бабушкину дачу и летом варили варенье из крыжовника, который Митя усердно стриг маникюрными ножничками.

Вадим Сергеевич, которому перевалило за 40, решил, наконец, узаконить отношения со своей Женечкой, которой исполнилось 19, и страдая, пялился на монитор, где шли чередой свадебные платья, похожие на сдобные облака с марципаном. Три миллиона! — думал Вадим Сергеевич, — за что? За этот чехол на самовар? Что я делаю, что я делаю!!! А Женечка уже показывала ему образцы пригласительных билетов, и будущая теща, ложась пышной грудью на спину Вадима Сергеевича и крепко дыша хорошим виски, советовалась «со славным мальчиком Вадечкой», куда наши уси-пуши поедут отдохнуть... Вадимчик, солнышко, будущая теща вытащила его за пуговицу пиджака в лоджию, детка, меня волнует одно... она сделала вид, что помялась. Чего это у тебя детей-то нет, в таком возрасте? Ты нам Женечке жизнь не сломаешь, а, мальчик мой? Вадим Сергеевич посмотрел в ласковые бульдожьих тещины глазки, сказал, что выйдет за букетом для Женечки, и поехал на Ленинградский вокзал.

Парадное на Васильевском было все то же, даже эмалевая табличка с номерами квартир не была откручена. Вадим Сергеевич сглотнул, нажал синюю пипочку звонка. Дзинь! полетело по коридору. Дверь открыл пацан, лет четырех, с завязанным горлом.

— Болееешь? — спросил Вадим Сергеевич.

— Ну да, — ответил тот сипло. — А ты кто?

— Наверное, я твой папа? — Вадим Сергеевич хотел пошутить.

— Класс! — сказал пацан. — А ты что мне из Америки привез? — Вадим Сергеевич залез в сумку и вытащил купленный на вокзале апельсин.

Провинция

Серебристое акулье тело дорогой иномарки въехало в сонный еще городишко, распугало ворон, собравшихся на базарной площади, испугало старуху с ведром воды и затормозило у двухэтажного домика — кирпичного в первом этаже и деревянного — во втором. Дверь машины распахнулась, показалась и застыла в воздухе стройная нога в черном сапоге. Сладкий дымок дорогой сигаретки смешался с горьковатым печным, запахло просыпающейся землей, пахнуло из ближайшей пекарни свежим хлебом — приехала, подумала Поля. Вот, я и приехала. Дверь в дом, изъеденная дождями и временем, скрипела, как всегда, на одной ноте, на другой — тоном выше — скрипели ступени, повторяя шаги Полины. Дверей в квартиру тут не запирали. От кого? Городок доживал последние годы, и не сегодня-завтра спутник GPRS и вовсе не ответит на запрос — где город Н? Поля вошла в коридор, скинула куртку на сундук, обитый металлическими полосами, отдернула штору, служившую перегородкой — спит. Так и есть — спит. Диван не разобран. Смешивая свой свет с дневным, горит подаренная ею лампа. Пахнет сыростью, табаком, печным угаром. Она садится на диван и целует темный завиток за ухом. Прижимается к спящему вся, вдыхая родной и любимый запах, целует шею, отчего на ней остаются коралловые полукружья.

— Полька! — он просыпается, обхватывает её, не в силах поверить

вымечтанному счастью. — Приехала, Польша моя! Возвращенка! — кричит он, ликуя. Пытается вскочить, чтобы рассмотреть её.

— Берёзкин! Оденься сначала! У вас тут в России принято встречать дам в ситцевых ммм... бермудах?

— Поль, — Сергей суетится, пытаясь привести себя в порядок, не может найти джинсы, рубашку, расческу...

Поля ногой пододвигает к нему фирменную сумку, шуршит молнией и выбрасывает вкусно пахнущие заграничные пакеты с джинсами, рубашками, бельем, кроссовками...

Через час они выходят на улицу Б. Почтовая, и, миновав пару домов с заспанными окнами, заходят в гостиницу, в которой в этот час можно перехватить пирожков с кофе.

— Мммм, — Полина облизывается. — Берёзкин... как в детстве... кайф! Я просто лопну!

— Как гастроли, Поля, — Сергей пьет кофе, не решаясь закурить, — как? принимали — как? победа?

— Ой, ну, восторг! Америка — это тебе не ... — Поля замолкает, — Серёж, я ведь за тобой приехала. Все. Я дом купила, нам только документы оформить — это секундное дело. Давай уедем, я прошу тебя... ты же пропал уже, Серёж! Ну — кто ты здесь?

Сергей молчит. Он смотрит сквозь стекло с имитацией переплетов на улицу, по которой учительница ведет стайку младшекласников.

— Я не поеду, Полинка.

— Почему? Ну — почему? Ты уже никто! Кружок в школе! А ты пианист от Бога! Серёжа! Ты не представляешь! Тебя на руках носить будут, я тебе помогу с ангажементом, у нас будет всё!

— А кто останется здесь? — спрашивает Сергей.

— Да никого тут не останется! — зло отвечает Поля. — Пустыня. Мертвые с косами. И — тишина...

— Вот именно, — он закуривает, — тишина.

— Да даже дети эти — уедут! Ты это понимаешь? Ты их выучишь, а они уедут!

— Значит, не зря я тут жил, а?

— Я похлопочу, чтобы тебе памятник поставили. За заслуги перед Отечеством. — Полина встает, срывает куртку с вешалки, и уходит. Сергей сидит, смотрит в окно, и через некоторое время видит, как серая, похожая на акулу, машина, разбрызгивая уличную грязь, сворачивает на московскую трассу.

И был ему голос...

Когда к полуночи ушёл последний гость и была вымыта посуда с праздничного стола, Людмила наконец улеглась спать. Уронила уставшую голову на подушку и стала уже задремывать, как раздался телефонный звонок. В испуге встрепенулась, схватила с тумбочки телефон (вдруг что с сыном?!); мельком глянула на будильник: до 9 марта оставалось 5 минут... На табло мобильного высветился племянник Лёша. От души отлегло (не сын!). В трубке раздался весёлый бодрый Лёшин голос: «Успел!!! Милая тётушка, чуть не забыл тебя поздравить с 8 Марта! Счастья тебе, здоровья, красоты, радости...».

Выслушивая поздравительные рулады племянника, Людмила сползла с дивана, машинально вдела ноги в тапочки и в темноте побрела к окну. Встала за штору... Поздравлениями и ответными благодарностями беседа их не ограничилась. Любопытный Лёша стал расспрашивать о том о сём. И размаявшись Людмила подробно, с воодушевлением поведала ему о последних семейных событиях. Наконец распрощались. Женщина вышла из-за шторы и в сумеречном свете уличного фонаря увидела в дверном проёме фигуру мужа. Он судорожно шарил рукой по стене в поисках выключателя... Вспыхнул свет... Давно не видела Людмила у своего Гены такого растерянно-испуганного лица. Узрев жену, Геннадий всплеснул руками и радостно вскричал: «Люда! Ты тут?! Как же ты меня напугала! Смотрю — на диване тебя нет, в комнате — пусто, а голос родной слышу... Ну всё, думаю, крыша у меня поехала, ничего не могу понять... Ой, как хорошо,

Светлана Виноградова,
г. Нелидово

что ты цела, невредима и никуда не пропала!»

Долго ещё Гена никак не мог успокоиться. Людмила уже второй сон видела, а муж всё расхаживал по квартире и, бормоча под нос, сам себе удивлялся: «Нет, ну надо же! В комнате никого нет, а голос слышу... где она, куда пропала, а голос... слышу... чудеса!»

Утром Гена смотрел на Люду с особенным чувством: будто потерял — и вдруг нашёл очень дорогое ему и очень приятное.

«Вот, — улыбаясь про себя, думала Людмила, — так и надо их, этих мужиков, время от времени взбадривать и попугивать».

ЗВУКИ ЛЕТА

Звуки лета нам знакомы:
Тонкий шелест тополей,
Чаек резкие признанья,
Монотонный бас шмелей,
Где-то там вдаль с надрывом
Верещит бензопила,
Ей поддакивает триммер, —
Ведь ему всё трын-трава.
А какие утром трели
Льются нежною волной —
Композиторы и барды
Свой талант в листе густой
Закопали вместе с клювом

И хохлатой головой.
С Селигерскою волною
Нам доносится опять
Рокот лодочных моторов,
Так усердно рвущих гладь
Бирюзового залива
И безмолвия печать.

Звуки лета мне знакомы,
Они легкие как пух, —
Просыпаюсь с петухами,
Засыпаю с роем мух.

Юрий Назаров,
Осташков

Вася пил уже трое суток...

Наталья Иванова,
Пено
Внимание: конкурс!

Пил один в комнате пустого общежития железнодорожного колледжа. Его согруппники, направленные, так же как и он, на переобучение и освоение новой профессии от Центра занятости, разъехались по домам на выходные ещё в четверг. Вася не поехал из Тверской области в свой далёкий мурманский посёлок, хотя и проезд на железнодорожном транспорте на время обучения был для него бесплатным. Под Мурманском его ждали слабая после инсульта мать и лежащая старенькая бабушка. Атмосфера немощности в квартире угнетала сорокашестилетнего, ещё совсем не старого Васю. Последние два года Василий жил с мамой и бабушкой, а до этого у Васи была семья. Гражданская.

Оля – пышная крашенная блондинка, старше него на 10 лет, у неё уже было трое детей от первого брака. Спокойный, слабохарактерный Вася в семье всем пришёлся по душе. Дети ползали у него по коленкам и просили: «Дядя Вася, будь нашим папой!». Так Василий стал семейным человеком. Пил он тогда редко: после аванса и полочки на его родной целлюлозно-бумажной фабрике, иногда – с друзьями по выходным. Но большую часть зарплаты Вася всё же приносил Оле. На фабрике Вася был в почёте, так как знал все тонкости производства и мог заменить работника на любом участке работы. Бригадир прощал Васе нечастые прогулы, которые всё же случались по причине употребления алкоголя.

С каждым годом Вася пил всё

больше, дети выросли, у них появились свои семьи. Василий хвастался знакомым: «У меня уже трое внуков!», – но он уже совсем не был похож на заботливого отца и деда. Дети и внуки были где-то там, в своих квартирах, и вспоминал о них Вася нечасто, пропивая уже всю свою полочку целиком, часто в одиночестве. Теперь он не пил только когда у него не было денег. От Оли пришлось перебраться обратно к маме. Васе не хотелось уезжать из уютной Олиной квартиры, но ей уже порядком надоели его пьянки и обострившийся энурез.

Вася приходил поздно, заваливался пьяный поперёк дивана прямо в куртке, а утром просыпался в луже. Оля любила Васю, но терпеть это у неё уже не оставалось никаких сил.

На работе сменился бригадир, и хотя Вася ещё мог неплохо работать, когда у него заканчивались деньги, новый бригадир обозвал его алкашом и уволил.

Вот так Вася и оказался направленным в Тверскую область на освоение профессии ремонтника железнодорожных путей от центра занятости. В среду ему зачислили командировочные. Это событие и послужило поводом для трёхдневного банкета.

Вася проснулся в воскресенье утром: он лежал ничком на кровати, всё его тело трясло – похмелиться было не на что. Голова болела, желудок подводил.

Мне Вася позвонил к вечеру. Он мечтал. Мечтал о семье, о своём собственном ребёнке, мечтал съездить на родину отца – в Краснодарский край. Я понимала, что ничего нереального в Васиных мечтах нет, всё так наверняка бы и случилось, если бы не одно но... Ну, вы меня уже поняли. Потом Василий загрустил: тянуть до следующей полочки придётся, как обычно, на пенсию мамы. Спрашиваю его: «Что делать будешь, когда мамы не станет?». Вася отвечает не задумываясь: «Вздёрнусь!».

В понедельник ему всё же пришлось ехать домой: в стране объявили режим самоизоляции и обучение перевели на дистанционную форму.

На днях я звонила Васе. Не пьёт. Сидит дома, варит суп своим родным, моёт посуду. Сейчас пойдёт отправлять преподавателю очередную контрольную по Интернету.

Мы не будем ставить точку в этой истории, она ведь ещё и не закончилась. Каким будет продолжение? Сбудутся ли Васиные мечты, или сгинет он без мамы? Пусть продолжение напишет жизнь, а каким оно будет, зависит только от Васи.

КАРА НЕБЕСНАЯ

Тучи переспелые обвисли
Над селом. Отмашки только ждут.
Кто-то наверху потоп замыслил,
Дескать, во грехе погрязли тут.
В воду всех. Оставлю лишь по паре
Каждой твари, той, что поскладней.
И явится – праведник в ударе –
Гром над деревенькою моей.

Светлана Большенкова,
Нелидово

* * *

Росы напился розовый рассвет,
Чтоб рисовать на небе облака,
Ведь для него важнее дела нет –
Пытаться что-то сделать на века.

Но только ветер рвет туман из рук,
Не упуская выгодный момент,
Он, собирая облака вокруг,
Ваяет свой огромный монумент.

Плывут, качаясь, горы в никуда,
И кажется – им время нипочем,
Клубится в небе бывшая вода...
И мы порой химеры создаем.

Закрутят бесполезные дела,
Хоть мнится, что они на сотни лет...
Вот в небе тихо башня проплыла,
Что из тумана рисовал рассвет.

Иван Кирпичев,
Нелидово

ДОМ С ОТКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ

Каждая тропинка в моём крае
Мне знакома с давних-давних пор.
Здесь, под ёлкой, в куклы мы играли,
Здесь когда-то строили забор.
Помню этот запах, самый пранный,
От проталин чёрных на лугу,
И себя девчонкою упрямой,
И над речкой радугу-дугу.
Знаю, где морошка, где брусника
И черника там, где тополя.
А за речкой Чёрной голубика
Самой вкусной ягодой была.
Первоцветов первые соцветья
Разбегались стайкой у крыльца.
Липы здесь из прошлого столетья,
И подрубен дом на два венца.
Говорят, что всё всегда проходит,
Но не память детства, ты поверь.
Уплывёт бумажный пароходик,
Но оставит дом открытой дверь.

Наталья Шабанова,
Андреаполь

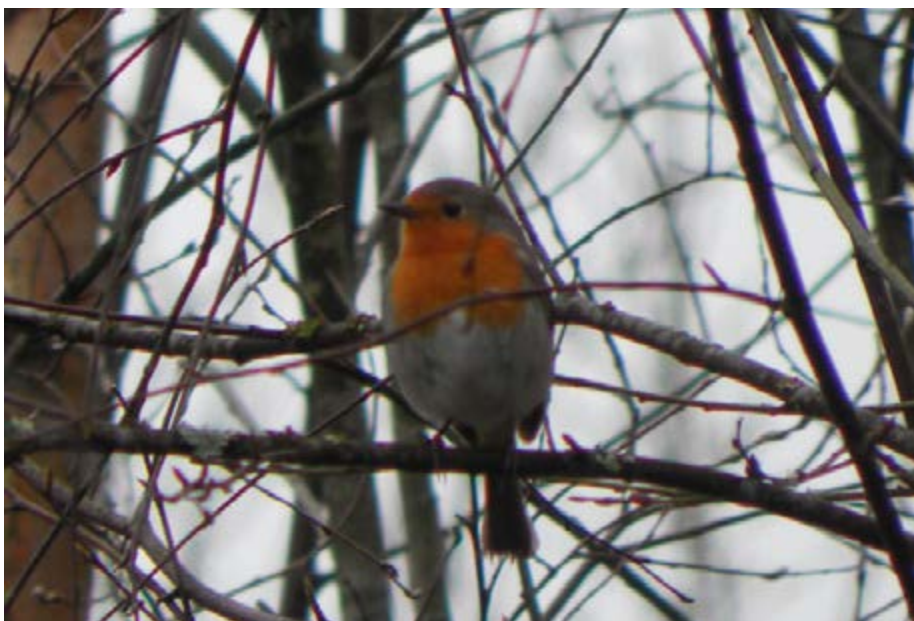
Зарисовки с просёлка

Закончился апрель. Весна шагнула в май. Шагнула как обычно, не позже и не раньше срока. Есть ли глобальное потепление, нет его – живая природа пока это не заметила.

В городе весна уже настоящая. Здесь свой микроклимат. У цоколей старых пятиэтажек уже цветут одуванчики, на березе листочки с копейку. Появятся такие в лесу – пора ловить плотву. Пойдет она по ручьям и речкам на нерест в мелкие прогретые озера. А пока за городом, как и прежде, все только готовится цвести и распустаться.

Даже весенний ветер-верховик еще шумит со свистом, по осеннему. Но только крепко набухнут почки, и тяжело гулко зашумит лес. Да и сейчас он уже не спит по вечерам. Если две недели назад только юркая синица нарушала его тишину своим свистом, то сейчас уже к вечеру, в погожий день, слышны разные голоса.

* * *

Когда обнимает кто-то
чрезмерно не!любящий,
становится душно и тесно,
будто на шее – смыкаются руки в
кольцо,
а ты – лебедь
и окольцованной быть – не хочется
(и подотчётной).
Ты – в небо,
где обнимает ветер
и становится холодно и –
до мурашек на коже – свободно.
И светит луна. И можно присесть
на ступеньки ночные
какого-то дома (родного – в минуты
те),
и думать о чем-то долго,
склонив на перила голову.

*Екатерина Вихрова,
Тверь*

Возвращение

С.К.

Возвращаться к себе – трудно.
Возвращаться к себе – долго.
Даже если вокруг людно,
одиноким идёшь волком.

Но сильные чьи-то руки
на хрупкие лягут плечи:
забудешь года разлуки,
запомнишь минуты встречи,

обретёшь за спиной крылья
и вдохнёшь аромат мая.
Снова станут мечты былью.
С возвращением, дорогая!

*Ксения Маркова,
Тверь*

Прогреваются постепенно водоемы. Проснулись лягушки и теперь лениво плавают по поверхности, растопырив лапы – отогреваются. На отмели к самому берегу жмет рыба мелочь. На глубине она клюет еще плохо, а у берега с хода хватает мушку-нимфу. Идешь вдоль берега в забродниках, машешь удилицем и можешь даже хорошего подлещика зацепить, а не только плотву, красноперок, окуней и уклейек. Увлекательна эта ловля с тонким легким удилицем, но слишком много мух можно оставить в азарте на ветвях нависших над водой деревьев.

Наловишь мелочи, распустишь «кружки» или возьмешь спиннинг и вдоль края помятой «тросты» есть надежда поймать щучку. Она сейчас на все хорошо берется.

Вылез из тины крупный линь. Особи от килограмма стоят в плотных зарослях камыша или тростника. Ползает он там, чистится от пиявок. Там же можно встретить и круглого, как тарелка, озерного карася.

Готовится к нересту и окунь. С наступлением темноты стаи его, как снегири, рассаживаются на ветвях могучих коряг – упавших в воду деревьев. Есть у него такие любимые коряги, что на каждой ветке по два-три окуня сидеть может. На тонких – матросики, на потолще – крупнее. А где-то внизу, в тени, стоят осторожные горбачи.

Хоть зима и теплая была, а нерест окуня еще не начался. А бывало, на «первомай» он уже всю нерестился – с пойманных молока ручьем текла.

Как бы там ни было зимой, а весна идет своим чередом. Ждем тепла.

**Иван Кирпичев,
Нелидово**

* * *

Лишь зайдешь за овса полосу –
Упирается лес в небеса.
В этом темном-претемном лесу
Расчудесные чудеса.

Там живет старый сказочник Ёж.
А под папоротника листом,
На чудную корягу похож, –
Хитрый Леший построил дом.

У веселого Звон-ручейка,
Где Соловушка утром поет,
Настоящая Баба-Яга
На пенке чай с брусникою пьет.

За рябинкой плутовка Лиса
Караулит ушастых зайчат.
А Зайчиха – косые глаза
Деткам делает вкусный салат.

А в озёрке, под темной водой,
Затянувшейся тиной давно,
Говорит о делах Водяной
С толстобрюхим усатым Сомом.

И Сорока, качая хвостом,
На ольхе будет долго шуметь,
Стрекоча всему свету о том,
Как малиной объелся медведь.

Ищет травы, чтоб хворым помочь,
Лесовик у избушки своей.
Хмурый Филин в беззвездную ночь
Неуснувших пугает мышей.

Заалеет калиной восход,
Птичий хор заиграет в лесу...
Эта сказка так близко живет –
Лишь зайдешь за овса полосу.

**Валерий Линкевич,
Андреаполь**

* * *

Не мои, мой славный, промахи –
Холод слать взамен тепла,
Зацвела вчера черемуха,
Будто снега намела.

И плывет свинцовость стылая
Из моих краев в твои,
Чаровница та немилая
У ворот и там стоит.

Отцветай, остуда-дерево.
Все исправит теплый день,
И дурман с горчинкой, верю я,
Сменит пряная сирень.

**Маргарита Петрова,
Андреаполь**

Мы, ох, как можем!

* * *

Ветшает плоть, труднее гнуться к
грядкам,
Ночных сомнений память намела,
И ежедневной утренней зарядкой
Взбодряем больше души, чем тела.

Но начат день, хоть с пульсом нету
сладу
И время норовит лягнуть под дых,
Живящую весеннюю прохладу
Мы чувствуем острее молодых.

Расцвел денек, и расходились кости,
Опять в строю – Вселенная,
держишь!
Сирень благоухает на погосте,
Мы пьем взахлеб искрящуюся
жизнь.

*Маргарита Петрова,
Андреаполь*

* * *

На стыке весны и лета
Пронизана светом высь.
А мне говорят, что спета
Моя лебединая... Брысь!
Завидуйте втихомолку,
Защелкнув с хулою рот.
Советскую комсомолку
И пенсия не берёт.
Нас много. Мы, ох, как можем
(Таких теперь не куют),
Вас, нынешних, стать моложе.
Забыв про печной уют,
Срываемся в самоволки.
Свирепствуй, адреналин!
Пусть ваши ухмылки колки,
Мы дожили до седин
В презрении к мелкой злости,
К степенным: ату, нельзя.
Полощите наши кости?
Вам в помощь Господь, друзья.

*Светлана Большенкова,
Нелидово*

* * *

Сельдерей заколосился,
Дятел выпал из гнезда.
Я в Гражданскую родился,
Но мальчонка хоть куда.

*Иван Курпичев,
Нелидово*

НОВЫЕ РУССКИЕ

Мне сказал мой старик: «Почему же
Новым русским почёт и хвала?
Ну а мы-то с тобой разве хуже,
А житуха, как сажа бела!»

И на кухне чаёк распивая,
Мы вопрос начинаем решать,
Как и нам, всех вокруг удивляя,
Тоже новыми русскими стать.

Вмиг спецовочку мы починили,
Приспособили фирменный знак,
Перекрасили, плечи подшили –
Получился бордовый пиджак!

Я на кофточку блёстки нашила,
Засияла, как солнечный свет,
Кружевами все дыры прикрыла –
Получился вечерний жакет!

С антресолей тележку достали
С сумкой старую цвета небес,
И на сумке на той написали
Краской белою: «Наш Мерседес!»

Нарядившись, пройдемся
немножко,
«Мерседес» свой ведём впереди.
Весь народ подбегает к окошкам,
Телевизор никто не глядит.

Нас на Охте теперь уважают,
Говорят, с нами жить веселей.
И к тому же ещё утверждают,
Что мы всех новых русских новей!

Ну а если взгрустнётся, бывает,
Иль до пенсии денег в обрез –
Я блестящий жакет надеваю:
«Ну-ка, дед, заводи «Мерседес!»

*Надежда Салунина,
Любино – С.-Петербург*

СТРАДАНИЯ по COVID 19

Мы все боимся смерти,
Но трусость взял за клык,
Попёрлись портить воздух –
Пить пиво, есть шашлык.

А, выпив, не стеснялись
Эпитетов и фраз –
COVID послали махом
К Макару, что не пас
Своих телят по тундре
От всяческих зараз.
Потом пришла отвага,
И, тельник разорвав,
Пошли гулять с гармонью,
Выказывая драйв,
По городу толпою...
(попробуй, оправдай)
А бабка сквозь окошко,
Почувствовав накал,
Пошла плясать по дому,
Взрывая свой вокал,
С одышкой припевая:
«какой COVID нахал...».

*Юрий Назаров,
Осташков*

* * *

Кто-то любит нюхать розы.
Кто-то любит нюхать клей.
Тот – летать на паровозе.
Эта – мчаться на метле.
Разномастные поэты,
поэтессы всех мастей
перебрали все сюжеты
всех разделы до костей.
Ночью, не смыкая ока,
пишут обо всём подряд.
Поминают всеу Блока,
Пастернака теребят.
Строчки, скроенные ловко,
рифмы, словно с потолка, –
то напишут про морковку,
то вдруг вспомнят мотылька.
К нашей жизни аномальной
только добавляют бред.
Вот стоит, молчит – нормальный.
Рот раскроет – нет, поэт.
В рифмоплётстве тренировка –
это тот ещё сюжет...

Я – поэт. Зовусь я Вовка.
От меня вам всем привет!

*Владимир Юринов,
Андреаполь*